

КОЛЛЕКТИВ ЕДИНОМЫШЛЕННИКОВ

А.С. Макаренко руководил единым коллективом педагогов и воспитанников, сплочённым единством цели, задач, методов и практических действий. Педагог категорически заявлял, что не представляет себе, можно ли воспитать коллектив воспитанников, не имея коллектива педагогов, честных, справедливых, образованных, свободных от зависти друг другу, от индивидуальной и личной погони за «любовью воспитанников». В 1928 г. в документе «Операционный план педагогической работы трудовой коммуны им. Ф.Э. Дзержинского» он писал, что «детский коллектив рассматривается как нечто отдельно стоящее, как некоторый материал для воспитания. Тогда как нигде не говорится о педагогическом коллективе, воспитатель рассматривается как индивидуальный деятель, и педагогический коллектив рассматривается как простая сумма этих деятелей. В результате наша практика представляет обыкновенно безотрадную картину двух лагерей, в лучшем случае находящихся в состоянии мира, но никогда не слияния, не дружбы, не единства» [6, т. 8, с. 138]. Крепкий взрослый коллектив, продолжал свою мысль А.С. Макаренко, должен был в первую очередь идейно и организационно сплотить вокруг себя воспитанников.

К личности воспитателя и к себе лично как руководителю коллектива и колонии педагог предъявлял большие требования. Его вера в возможности воспитательного воздействия была безграничной. Он был убеждён «в совершенно беспредельном могуществе воспитательного воздействия», уверен в том, «что если человек плохо воспитан, то в этом исключительно виноваты воспитатели. Если ребёнок хорош, то этим тоже обязан воспитателю, своему детству».

А.С. Макаренко настойчиво добивался права самому подбирать воспитателей. И это право он получил. Прежде всего, он стал приглашать на работу в колонии своих прежних коллег по Крюковскому железнодорожному училищу. В письме А.П. Сугак

от 20 июня 1924 г. он писал: «Я по-прежнему убеждён, что в колонии Ваш опыт как учительницы и Ваши способности и такт воспитателя найдут себе лучшее применение, чем в школе, поскольку трудовая колония должна почитаться более передовым типом детского учреждения и более соответствующим принципам соцвоса» [3, с. 488–489].

Следует сказать, А.П. Сугак работала вместе с А.С. Макаренко с 1909 года. В своих воспоминаниях она подчёркивала, что уже в те годы молодой Антон Семёнович удивлял всесторонностью и глубиной знаний, ораторским умением, позволяющим ему выступать перед любой аудиторией по любым вопросам. Слушать его любили, так как он умел передать свои знания в доходчивой, образной, яркой, убедительной форме, чувствовалась его сильная воля и горячее стремление к призыву дерзать, творить и жить. Коллеги А.С. Макаренко по дореволюционной школе подчёркивали, что Антон Семёнович обладал замечательной памятью, умел говорить логично, ярко и убедительно.

Брат педагога Виталий Семёнович Макаренко (1895-1982) в своих воспоминаниях писал, что его старший брат был «постоянно с какой-нибудь книгой. Он обладал колоссальной памятью, и его способность ассимиляции была, прямо, неограниченна. Без преувеличения можно сказать, что в то время он, конечно, в Крюкове был самым образованным человеком на все 10 тысяч населения... Антон читал внимательно, поразительно быстро, не пропуская ничего, и спорить с ним о литературе было совершенно бесполезно» [7, с. 31–32].

Педагоги, с которыми Антон Семёнович работал в дореволюционной школе, отмечали, что он целиком отдавался работе, был неутомимым, оживлённым, бодрым, весёлым, ежедневно испытывающим радость творчества и постоянно читающий, растущий в своём культурном развитии. Он заражал коллег своим примером, сумел сплотить всех в дружный, единый, крепкий педагогический коллектив, без которого не

мыслил нормальную работу школы. А.П. Су-как вспоминала, что для создания дружного педагогического коллектива Антон Семёнович использовал и свой художественный талант. Он начинал свою учительскую деятельность в качестве учителя рисования и черчения, был сам пейзажистом и умелым карикатуристом, рисовал карикатуры на злобу школьной жизни, да и на себя. Этим он исправлял недочёты в работе педколлектива, стимулировал в учительской среде стремление к лучшей культурной жизни. Педагог увлекал всех и костюмированными вечерами и другими творческими проектами. Вокруг него кипела интересная жизнь. Вот почему многие учителя по просьбе Антона Семёновича перешли на работу в колонию им. М. Горького. Они верили ему, ценили, любили и уважали. В колонии начала 20-х годов работать и жить было трудно, для проведения школьных занятий не было даже комнат. Кабинет педагога стал мозговым центром всей колонии, здесь проводились заседания педагогических советов.

Ещё один пример о работе А.С. Макаренко – педагога и инспектора (директора) школы – до перехода в трудовую колонию.

Учительница Т. Гайдамакина работала с Антоном Семёновичем во втором начальном городском училище имени Куракина Полтавы в 1919/20 учебном году. Приведём отрывок из её воспоминаний:

«Я приступила к работе на несколько дней раньше Антона Семёновича. До приезда в Полтаву я работала в одной из больших начальных школ Ленинграда, с твёрдо установившейся репутацией дисциплинированной, образцовой школы. Как правило, мы, педагоги, непрерывно находились с детьми. На перемены мы организованно выпускали детей в большой зал, во время перемен устраивали игры, а затем по парам выпускали их в класс. Этот приём я начала практиковать и в полтавской школе.

И вот, на четвёртый день работы, проводя перемену с детьми, я увидела идущего по дорожке, которая вела к крыльцу школы, мужчину в полувоенной форме. Дети, по уже заведённому мною порядку, построились по парам, чтобы входить в класс.

Подошедший спросил меня, что я делаю. Меня удивил слегка ироничный тон и улыбка, но я вежливо ответила, что был звонок, и мы идём заниматься.

– А почему они стали у вас по парам?

Я начала было объяснять, почему я так делаю, но насмешливое выражение небольших серых глаз, смотрящих сквозь большие стёкла очков, меня разозлило, и я резко спросила, кто он таков, что я должна отчитываться за свои действия. В ответ получила серьёзно сказанным тоном:

– Простите, забыл представиться – Макаренко Антон Семёнович, заведующий этой школой.

– Ну, вот и будете сами наводить порядки, – сказала я раздражённо.

– Нет, – закончил Антон Семёнович, – работать мы будем вместе, а по парам выпускать детей не будем. Так в жизни не бывает.

Я не была новичком в педагогическом деле. За мной числился восьмилетний стаж работы в различного типа учебных заведениях. К этому времени я выработала свои приёмы, имела своё «педагогическое кредо». Замечание Антона Семёновича меня не на шутку задело, и я стала внимательно присматриваться к работе Антона Семёновича, посещать его уроки.

И вот, когда я бывала на уроках Антона Семёновича, меня удивляло спокойное, ровное, деловитое настроение класса. Дети занимались арифметикой, чтением, письмом так же просто, серьёзно, как взрослые делают свою очередную работу. О нарушении дисциплины говорить не приходилось. Никогда Антон Семёнович не проводил того, что мы называем «организационным моментом». Мел, аккуратно вытертая доска, чистота в классе было делом дежурного ученика» [4, с. 53–54].

Т. Гайдамакина отметила виртуозное умение А.С. Макаренко – с целью наглядности – пользоваться доской и мелом: «Необходимые наглядные пособия были всегда на месте. Правда, у Антона Семёновича наиболее ходким пособием был мел. Он красиво писал, хорошо рисовал, чертил. Как-то на уроке географии Антон Семёно-

вич в течение нескольких минут, попутно объясняя, начертил географическую карту на доске так чётко и ясно, что при задании на дом один из учеников, заглянув в книгу, воскликнул:

– А в книге такая же карта, как у Антона Семёновича, только поменьше» [4, с. 54].

«Антон Семёнович, – вспоминала далее Т. Гайдамакина, – так быстро приучил класс к самостоятельной работе, что никому из других учителей не приходилось наводить порядок в его классе, когда он по служебным или общественным делам оставлял класс, дав ученикам самостоятельное задание. Об его отсутствии мы узнавали только на перемене, когда сходились и беседовали по текущим делам...

Скоро мы стали замечать, как велико было личное обаяние Антона Семёновича, как ученики стремились иметь такой же подтянутый, собранный вид, какой имел Антон Семёнович. Ни на работе, ни в домашней обстановке я не видела Антона Семёновича сидящим вразвалку, или даже облокотившимся о спинку стула. И некоторые ученики стали ходить такой же спокойной, слегка замедленной походкой, какая была у Антона Семёновича, так же сидеть подтянуто на парте, как всегда сидел Антон Семёнович на стуле, так же внимательно вслушиваться в слова обращающегося к ним, чуть-чуть наклонив голову, и даже некоторые из них сделали такого же покроя рубашки-косоворотки, какие носил Антон Семёнович. Шутя мы их называли «маленькими Макаренками»» [4, с. 55–56].

По свидетельству Т. Гайдамакиной, А.С. Макаренко самое деятельное участие принимал «в организации союза учителей начальных и сельских школ, много усилий положил, чтобы расширить работу городской библиотеки, пополнить её путём закупки книг у частных лиц; часто выступал с докладами на учительских собраниях, обнаружив глубокую эрудицию в педагогических вопросах. Организовав небольшую группу учителей, Антон Семёнович приступил к составлению сборника диктантов и статей для изложения. Он энергично развернул работу по подбору текстов. Назна-

чение его заведующим колонией помешало довести дело до конца» [4, с. 56].

Таким образом, коллеги А.С. Макаренко по «дореволюционной школе» отмечали, что он не только умело организовывал детскую радость, но без этой детской радости не мыслил воспитания. Антон Семёнович считал, что каждый учитель должен быть умелым организатором детской жизни, учёбы, труда.

Работа в колонии для несовершеннолетних правонарушителей заставила А.С. Макаренко искать новые подходы воздействия на колонистов. Позже педагог писал, что необходимо было разработать методику воспитания и уметь подчинять её воспитательным целям детского дома и колонии.

Такой воспитательной методики Антону Семёновичу не доставало зимой 1920–1921 гг. В «Педагогической поэме» Антон Семёнович писал, что в то время их «обступал хаос мелочей, целое море элементарнейших требований здравого смысла, из которых каждое способно было вдребезги разнести всю нашу мудрую педагогическую науку». Педагог понимал, что нужно спешить что-то делать, так как «колония всё больше и больше принимала характер «малины» – воровского притона, в отношениях воспитанников к воспитателям всё больше определялся тон постоянного издевательства и хулиганства. При воспитательницах уже начали рассказывать похабные анекдоты, грубо требовали подачи обеда, швырялись тарелками в столовой, демонстративно играли финками и глумливо расспрашивали, сколько у кого есть добра...» [5, с. 23–24].

Итак, в самом начале своей работы в колонии А.С. Макаренко столкнулся с антисоциальным поведением почти взрослых юношей. Старшему колонисту Р. Затонову было 20 лет. Свой возраст он скрывал, чтобы избежать сурового наказания за бандитизм. Осенью 1922 г. в колонии было до 80 воспитанников, из них – 9 девочек. Заполняя анкету на воспитанников, А.С. Макаренко указывал на следующие причины определения их в колонию и род дефективности:

«Павел Крупко. Время рождения... 1905. Время определения в колонию 25 апр. 1921... За драки и грубость в интернате... Морально-дефективен. Мстительное, злобное отношение к человеку».

«Транец Фёдор. Время рождения 13 авг. 1904. Время определения в колонию 17 мая 1922... Переведён из Реформаторума (кража платьев с вешалки)... Морально-дефективен. Полное неуважение к другому, его труду и интересу».

«Супрун Григорий. Время рождения 7 апр. 1904... Время определения в колонию 9 апр. 1921... Участие в шайке воров... Очень большой воровской опыт, но вероятно по натуре не дефективен» [8, с. 138–139].

Какова судьба этих парней, поступивших в колонию в шестнадцать-семнадцать лет?

Фёдор Таранец изображён в «Педагогической поэме» под своим именем и фамилией. В «Типах и прототипах» А.С. Макаренко писал о нём так: «Один из главных деятелей дисциплинирования Куряжан, главный пиротехник театра, участник борьбы с хулиганами и деятельный сыщик после убийства Марка. Он сохраняет прежний не смущающийся характер. Хорош он и в сражении с попами. Мастер в клубной работе. (...) Во время ОТК он командирится в какую-либо колонию и остаётся инструктором, будучи хорошим столяром. Его рассказами и шутками должны быть наполнены главы последние» [5, с. 691–692].

Таранец действительно работал инструктором столярного дела в ближайшей колонии. Затем был призван в армию, со срочной службы не вернулся. Во время войны был командиром стрелкового отделения, в конце 1943 г. погиб во время освобождения Белоруссии.

Супрун выведен в «Поэме» в образе Григория Буруна. В «Типах и прототипах» Макаренко писал и о нём: «Прямой путь к рабфаку. К учению относится с серьёзной страстью. Увлекается только театром, но неудачно – мало поворотлив. Из учёбы вылезает с молчаливым упорством, только в моменты больших авралов командует 4-м сводным. (...) Уходит на рабфак мединсти-

тута, в последней главе уже в Военной медицинской академии» [5, с. 692].

Г. Супрун в 1932 г. закончил Ленинградскую бронетанковую академию, был направлен в Дальневосточный военный округ. В звании майора участвовал в Сталинградской битве, Курской дуге, сражался в Прибалтике, в Кёнигсберге. После войны вернулся в Харьковскую область, имея на груди два ордена Отечественной войны, два ордена Красной Звезды и медали.

Мало известно о Павле Крупко. Он, как и Ф. Таранец, геройски погиб во время войны, защищая Родину.

Примеры показывают, что первые воспитанники А.С. Макаренко были запущенными 16–17-летними юношами с большим воровским опытом, с «мстительным, злобным отношением к человеку». Как же смог А.С. Макаренко за короткий срок (3–4 года) сделать этих озлобленных молодых людей достойными гражданами, патриотами Родины? Ответ мы находим в художественных произведениях А.С. Макаренко («Педагогическая поэма», «Марш 30 года, «ФД 1», «Флаги на башнях»).

Во всех своих произведениях А.С. Макаренко показывает историю создания и этапы развития воспитательного трудового коллектива, который на высшей стадии своего развития объединил в единое целое детский и педагогический коллективы. Единый коллектив явился мощным методом воспитания молодого поколения. Создавая такой единый воспитательный коллектив, А.С. Макаренко приложил немало усилий для формирования творчески работающего коллектива педагогов-воспитателей.

Осенью 1922 г. педагогический персонал (включая и инструкторский, технический персонал, фельдшера) состоял из 33 человек. Со многими из них А.С. Макаренко работал ещё до революции. Бессменным руководителем педагогического совета колонии была Е.Ф. Григорович, большой друг Макаренко. Елизавета Фёдоровна родилась 1 сентября 1880 г.; в 1912 г. окончила Киевский педагогический Фребелевский институт. С 1912 по 1920 г. была учительницей 6-го начального училища в Полтаве.

В 1920 г. перешла на работу в колонию им. М. Горького.

Работала в колонии и Любовь Петровна Сагредо. Она родилась 15 сентября 1894 г.; в 1905 г. окончила Петроградскую Петровскую гимназию, с 1912 по 1918 г. работала учительницей в железнодорожном училище в Крюкове (коллега А.С. Макаренко), с 1918 г. учительствовала в Полтавском уезде, а с 3 августа 1922 г. – стала воспитательницей в колонии.

В колонии работали супруги В.И. и Н.Т. Поповиченко. Василий Иванович родился 8 июня 1885 г., закончил экстерном курс Пиммана (для средних учебных заведений). С 1903 г. работал в училище (М.Н.П.) Киевской губернии, затем в железнодорожном училище Варшавско-Венской железной дороги, позже в железнодорожном училище Южных железных дорог. В 1921 г. перешёл на работу в колонию им. М. Горького. Надежда Тимофеевна родилась 29 августа 1884 г. В 1911 г. окончила Варшавскую 4-ю женскую гимназию, слушала лекции при Московском университете им. Шанявского. С 1913 г. работала учительницей в училище Варшавско-Венской железной дороги, затем в школе на Южной железной дороге. В 1920 г. поступила в колонию им. М. Горького.

В «Педагогической поэме» персонажем Екатерины Григорьевны послужила Е.Ф. Григорович. В «Типах и прототипах» А.С. Макаренко писал об этом персонаже так: «Она остаётся одним из лидеров, никогда не сдающих новых позиций, положительный спокойный тип. Во всяких спорах она должна представлять некоторое раздумье, маленький полезный тормоз, возбуждающий мысль, но тем прекраснее её спокойный переход на мою сторону. 4. Развитие и конец роли. Переходит в коммуны. Последняя позиция должна сопровождаться небольшим ощущением усталости, более грустным взглядом, но тем ярче должно быть подчёркнуто её радостно уверенное движение вперёд. Она должна ощущаться как хорошая жертва новому коллективу» [5, с. 691].

Макаренко в М.Д. Виноградова в 1950 году встретила с Е.Ф. Григорович. В сво-

их воспоминаниях Маргарита Дмитриевна признавалась, что эта встреча с Елизаветой Фёдоровной стала самым сильным впечатлением из всех даже самых ярких встреч с людьми, знавшими А.С. Макаренко. Встреча произошла поздно вечером в Крюкове, где после войны в доме брата жила Е.Ф. Григорович. «Дверь широко открылась, – вспоминала М.Д. Виноградова, – и передо мной оказалась женщина точно из «Педагогической поэмы»: скромно одетая, но с блестящими белизной накрахмаленными манжетами и воротником. А я ведь не предупреждала о своём приезде, и был уже поздний вечер, значит, эта одежда для неё вообще естественна. Ещё до того, как расспрашивать, кто я и зачем явилась, усадила за стол, накормила какой-то вкусной простой пищей (уже не помню чем), напоила чаем. Потом мы с Елизаветой Фёдоровной проговорили всю ночь, пока не начало светлеть через щёлки ставен (...). Это была женщина пожилая, седая, с заколотыми (пучком на голове) волосами, с сияющими необыкновенным светом голубыми глазами. Поражала её простота и естественность, желание всем-всем поделиться, что знает и помнит, а помнила она очень много, кажется, любую деталь из жизни колонии имени М. Горького, так как жила этим, любила своё прошлое, дорожила им, берегла в памяти. (...) Сказала, что она уже тогда, сначала в Крюкове, потом в колонии, верила в большое будущее Макаренко (...). Елизавета Фёдоровна после своего отъезда из коммуны им. Дзержинского всю жизнь проработала воспитателем в детских домах. О колонистах и своих питомцах по детским домам она говорила с большой теплотой, при этом было такое впечатление, что она знает и помнит каждого и готова говорить о них заинтересованно и со всеми деталями. Поэтому я вполне поняла и оценила ту горячую любовь горьковцев к Елизавете Фёдоровне, проявившуюся во время открытия 8 июля 1951 года музея А.С. Макаренко в Кременчуге – они внесли Елизавету Фёдоровну на заседание, посвящённое открытию музея, на руках» [2, с. 14–15].

Е.Ф. Григорович действительно «глубоко понимала А.С. Макаренко, разделяла все

его педагогические взгляды, знала в деталях все, что он делал и в колонии и в коммуне» [2, с. 14–15].

Яркой личностью был В.Н. Терский. В «Типах и прототипах» к «Педагогической поэме» А.С. Макаренко писал: «Кубанов Николай Николаевич (Терский)... Таков, каков он есть. Человек прямого искреннего действия. Не лезьте к ребёнку с вашей педагогикой, он сам лучше знает, что ему нужно. Он чужак, и его ещё нужно воспитывать, несмотря на все его таланты» [5, 706]. Но о В.Н. Терском речь пойдёт в следующем очерке.

Вот такие творческие люди работали с А.С. Макаренко, их он ценил и берег.

Но о судьбах некоторых талантливых педагогов почти ничего неизвестно. Например, в записях, использованных в «Поэме», Антон Семёнович писал о педагогах В.А. Весиче (прототип Журбина) и И.П. Раковиче (прототип И.П. Горовича) следующее: «Весича и Раковича нужно провести через всю историю и вернуть в последней главе. Приходят они почти вместе. Ракович – горячая честь и дружба, хватка, красота. Размахнуться может везде. (...) Весич – человек принятого обязательства. Чёткий и ласковый. Сынок, и благодущная дисциплина. Ракович уходит с протестом после падения колонии. (...) Весич всегда боится своего прошлого» [5, с. 713].

Иван Петрович Ракович получил образование в мужской гимназии; в сентябре 1922 г. (в возрасте 27 лет) работал сначала агентом по снабжению колонии им. М. Горького, затем воспитателем-учителем и, наконец, старшим воспитателем. В письме к О. Куриловской от 26 декабря 1922 г. Антон Семёнович писал о том, что молодой её преемник Иван Петрович Ракович был в колонии и очаровал его. «В агентах он, конечно слаб, но будет прекрасный воспитатель. Думаю перетащить его во 2 колонию. Он у нас уже играл в снежки, и ему хлопцы подбили глаз, играл, пел, гримировался, и Лидочка говорит, что Макаренко уже узнал, что можно выжать из этого человека» [5, т. 8, с. 10].

В отчётной ведомости за 1923 г. А.С. Макаренко также отметил, что из новых назначений ценным приобретением явля-

ется приглашение И.П. Раковича, который обладает огромной энергией, кипучей натурой «при условии замечательного честного, искреннего отношения к колонии» [8, т. 1, с. 31].

В списках персонала колонии на 1 сентября 1924 г. приводятся данные о В.А. Весиче: «7. Весич Владимир Алекс. Воспитатель. 36 лет. Образование среднее. Общий стаж – 12 лет. Стаж по колонии – 2 года 1 мес.» [6, т. 1, с. 36].

В «Типах и прототипах» к «Поэме» Антон Семёнович так характеризует Журбина: «Бывший штабс-капитан, спокойно поведший в новую жизнь. Он дисциплинирован, рассудителен, похож на Весича, готов в каждом человеке видеть новое и хорошее. Во время корпуса он совершает чудеса, выполняет большую работу, но его преследуют за то, что он бывший штабс-капитан» [5, с. 705].

В.А. Весич работал в колонии с августа 1923 г., был одним из заместителей А.С. Макаренко. Упоминания о нём мы находим в личной переписке А.С. Макаренко. Так, в письме к Г.С. Салько (с 1935 г. Макаренко) от 23–24 сентября 1928 г. Антон Семёнович из коммуны им. Дзержинского сообщает следующее: «Сейчас только ушли от меня Фере, Липин и Весич. Приехали убеждать меня переезжать в Москву, видно, в колонии им уже очень трудно. Я, как небожитель, просто не думаю о том, что будет со мной завтра. (...) Всё-таки я с приятелями поговорил о Москве» (15, т. 1, с. 97). В другом письме (3 декабря 1929 г.) Антон Семёнович сообщает: «У меня сегодня были Весич и Фере. Фере прелесть» [15, т. 2, с. 87].

В письме к А.М. Горькому от 22 ноября 1928 г. Антон Семёнович, объясняя причину ухода из колонии, пишет, что «колония пока что держится благодаря нечеловеческим усилиям Весича, может быть, помните, человека с рано поседевшей головой. Он был при мне заместителем заведующего и остался им и теперь» [6, т. 1, с. 248].

Чрезвычайно важную информацию о В.А. Весиче и о положении дел в колонии и коммуне содержит сохранившееся письмо А.С. Макаренко к члену Правления коммуны М.М. Букшпану от 29 декабря 1930 г.:

«Очень прошу Вас пересмотреть вопрос о Весиче. Для меня этот вопрос имеет не столько даже практическое, сколько принципиальное значение.

Когда открывалась коммуна им. Дзержинского, единственным резервуаром, из которого можно было черпать сносные педагогические силы для детского дома, была колония [им.] Горького. Это совсем не преувеличение и пустая похвальба. Педагогический коллектив колонии [им. Горького] был единственным ценным педагогическим коллективом в детских домах всей Украины. Он был подобран мною в течение 8 лет работы.

Когда я брал на себя заведывание коммуной им. Дзержинского, я поставил в известность правление [коммуны], что отвечать за коммуноу могу только в том случае, если мне будет представлена известная свобода в подборе педагогического коллектива.

Эта свобода вообще и не особенно стеснялись в течение 3 лет работы в коммуноу.

С самого начала из колонии [им.] Горького было переведено в коммуноу 4 работника, из которых до сих пор работают трое (Терский, Татаринов и Григорович). Дальнейшее «извлечение» работников из колонии в коммуноу я должен был прекратить, так как Наробразом было возбуждено против меня дело в РКИ. Было возбуждено оно как раз в связи с моим настойчивым предложением перейти в коммуноу Весичу. Из всего горьковского коллектива Весич был самым сильным, дисциплинированным и способным работником. Одновременно со мной Весича перетягивала и Прилукская коммуна ГПУ. Он не ушёл туда только по моему настоянию.

В Наробразе Весич был последней надеждой на здоровое существование колонии [им.] Горького. После моего ухода там переменилось трое заведующих и постоянным их заместителем был Весич, который был фактическим заведующим.

Я хотел перевести Весича в коммуноу с первых дней и не мог этого сделать только потому, что на нём держалась вся колония, и Наробраз к его переходу относился очень ревниво.

Весич прекрасно известен в педагогических кругах Харькова и Наркомпроса как один из самых способных работников в детских домах.

Приглашая Весича, я был уверен и теперь уверен, что делаю ход, имеющий самое важное значение для коммуноу. Работников, равных Весичу по ценности, удаётся получить раз в 5 лет. К тому же положение коммуноу в деле снабжения персоналом, в особенности достаточно образованным и работоспособным, чрезвычайно тяжело. Если Вам или правлению кажется, что с этой стороны всё хорошо, то это большая ошибка. У нас в коммуноу есть много слабых педагогов. Другие детские дома сплошь из них состоят, в том числе и пригородные, и положение этих детских домов в общем скверное. Нам бросаться такими работниками, как Весич, совершенно невозможно. (...)

В ценности Весича я не сомневался: я с ним работал с основания колонии им. Горького, и в значительной мере благодаря ему колония тогда процветала.

Сейчас в коммуноу сам детский коллектив держится только на мне одном. (...) Мне сейчас невыносимо трудно. Вот уже в течение 3 лет я не имею отпуска. Мне нужен в коммуноу такой человек, как Весич: умный, умеющий замечательно ладить с ребятами и держать их в руках, много знающий и трудолюбивый. В противном случае и мне придётся [свои позиции] сдать.

Я знал, что Весич где-то там был в 1918 или 1919 году и, разумеется, прекрасно понимал, что это само по себе может быть препятствием. Но известно мне также и то, что во многих случаях это обстоятельство не ставится человеку в строку, если он своей работой и своим отношением к Советской власти доказал, что у него совершенно выветрились всякие остатки старины.

По отношению же к Весичу это тем более имеет значение, что он был командиром Красной Армии, сейчас командир запаса. Уж если ему в Красной Армии доверяют командование, то, значит, он действительно это заслужил и что-нибудь это

стоит. Наконец, он, конечно, имеет право голоса, старый член профсоюза. Командирует его в коммуну официальный отдел кадров ВСНХ после специальной подготовки, к которой допускаются люди с разбором.

Пожертвовать таким работником, как Весич, можно было бы только при условии замены его равноценным лицом. Никакой надежды на это, даже самой отдалённой, нет. Никакой уважающий себя серьёзный педагог сейчас работать в детский дом не пойдёт. Никому нет охоты за 100 рублей бросать город, отправляться в наше бездорожье и обречь себя на довольно тяжёлое существование в наших неважных квартирах.

И Весич пошёл в коммуну только потому, что здесь я. Ни в каком случае нельзя думать, что работа в коммуне устраивает именно Весича. Весича возьмёт с охотой любой рабфак, и он заработает в городе несколько сот рублей в месяц без особого напряжения.

В коммуне сейчас 7 декадных уроков физики, т.е. месячный заработок преподавателя всего 58 руб. Даже и за гораздо большее жалованье никто в коммуну на уроки ездить не будет, и, наконец, такие приезжающие преподаватели вообще ничего не стоят.

Снимая Весича сегодня, мы рискуем остаться без преподавателя физики на всю зиму, а без хорошего работника очень надолго.

Такое же случилось и с математиками. (...) ...мы не имеем права швыряться такими определённо ценными работниками, как Весич.

Наконец, если я говорю Вам, что работал с этим человеком несколько лет и очень высоко его ценю, то это что-нибудь для Вас, вероятно, значит. Не допускаете же Вы мысли, что я могу лёгкомысленно отнестись к такому факту, как «белое» прошлое. Вы же понимаете, что в случае какого-то вредного отражения этого прошлого на работе мне грозит большая беда, ибо я никогда не забываю, что работаю в ГРУ. Следовательно, я действительно уверен в действительной советской ценности этого человека.

А Вы хотите, чтобы я получил случайного кандидата, которого никто не знает, который не был у белых, но по своему настроению может быть в тысячу раз хуже и вреднее.

Моё право подбирать персонал само собою уравнивается моей ответственностью за персонал, и в деле этой ответственности я никогда не буду малодушным.

При всём том, положение с персоналом становится очень напряжённым, и, если такие счастливые назначения, как назначение Весича, нами не будут использованы, мы обязательно «сядем».

Отвечать за это придётся мне, ясно, что для меня конъюнктура получается далеко не завидная.

Несмотря на то, что Весич был в «белых» или в «жёлтых», я всё-таки убедительно прошу Вас утвердить его, совершенно отвечаю за него как за человека мне известного со всех сторон. Политически Весич не только лоялен, но и активно по-советски настроен, гораздо более по-советски, чем многие работники-педагоги, у которых на 90% поповского мещанства и обывательской злобы. Весича Советская власть давно простила и дала ему хорошее положение, мы не должны его выбрасывать из коммуны по узкобиографическим данным.

...настойчивая просьба о Весиче определяется у меня исключительно соображением дела. Устраивать самого Весича никакой нужды нет, ибо сейчас нужда в хороших педагогах слишком везде чувствуется».

Здесь же приписка:

«P.S. Барбаров мне говорил, что Весич производит на него хорошее впечатление. Не успел представить Весича предварительно потому, что в отделе кадров ВСНХ пришлось выбирать [работника] в течение одного дня» [6, т. 8, с. 44–47].

По всей вероятности, В.А. Весич так и не был принят в коммуну и о его дальнейшей судьбе ничего не известно.

Работали с А.С. Макаренко супруги Поповиченко. Они изображены в «Педагоги-

ческой поэме» в образах Ивана Ивановича и Натальи Марковны Осиповых. А.С. Макаренко писал: «Осипов Иван Иванович. (...) Постепенно из осторожного, трусливого и неинициативного человека становится очень хорошим техником-педагогом, спокойным и уверенным. Именно на нём показать, как нужно использовать и воспитывать кадры. 4. Развитие и конец роли. Остаётся до конца в колонии, сохраняя преданность ей. Во время трудового корпуса принимает на себя самую трудную дергачевскую колонию и делает её образцовой». «Осипова Наталья Марковна. (...) Это был человек почти безразличный к коллективу с несколько странными нежными ужимками. Она перевоспиталась. У неё кое-что осталось: брезгливость к грязи, несколько негативное мышление, но подчёркнутое страстной преданностью коллективу и несколько манерной любовью к нему. Всё это даёт интересный букет. Переходит с мужем в Дергачи» [5, с. 692].

Вот такие характеристики давал А.С. Макаренко персонажам «Педагогической поэмы», прообразом которых стали его коллеги – педагоги-единомышленники.

Воспоминания очевидцев работы А.С. Макаренко подтверждают мысль о том, что педагог искал и приглашал на работу в колонию для несовершеннолетних правонарушителей таких педагогов-воспитателей, которые были способны заечь детей нужным и интересным делом, личным примером, стимулировать внимание и интерес к труду, учёбе, книге. Талантливыми педагогами-воспитателями в колонии им. М. Горького были Е.Ф. Григорович, В.И. и Н.П. Поповиченко, В.А. Весич, П.П. Ракович, В.Н. Терский, Н.Э. Фере, Т.Д. и В.Н. Татариновы и многие другие.

Е.Ф. Григорович, с которой А.С. Макаренко был дружен с 1905 года, вспоминала, что в первые два года в колонии «работать пришлось много, упорно, ... с раннего утра и до позднего вечера без выходных дней и без отпуска». А «сколько приходилось переживать тяжёлых случаев. То произойдёт кража, то драка. Всё это камнем ложилось на душу. И всё же с каждым годом станови-

лось всё лучше и лучше, а, значит, работать было легче» [1, с. 119–120]. «Школы у нас не было, – вспоминала Е.Ф. Григорович, – и в спальнях занимались, и в моей квартире, и в канцелярии, где только можно было, но всё-таки учили» [9, л. 10].

Т.Д. Татаринов, бессменный заместитель А.С. Макаренко по учебно-воспитательной части, вспоминал: «Педагогический коллектив в практике Антона Семёновича был на высоте своего положения. Он сам его организовал... и высоко ценил. Я помню время, как он учил нас работать. Было это в последние годы колонии им. М. Горького. Нас, учителей-воспитателей, было человек шесть. Он из библиотеки собрал к себе в кабинет всю научно-популярную литературу. Каждому из педагогов подобрал тему, к ней подыскал гору литературы, сам написал план лекции-беседы, подчеркнул в плане нужную страницу и т.д. Так делал он не один день. Много ночей, а с ними энергии, терпения, способностей и любви отдавал Антон Семёнович такой работе. Мы видели его большой труд, аккуратность и точность. Его наука скоро дала результаты. Мы восприняли опыт и с успехом могли передать его другим. (...) От педагогов А.С. Макаренко требовал построения такой школы, которая бы давала учащимся твёрдые, прочные знания... чтобы в основном все его воспитанники получили среднее образование, а более способные – ...высшее. В школе нам, педагогам, работать было легко. На дисциплину мы совсем не затрачивали сил и времени. В этом нам всегда помогали органы самоуправления и коллектив комсомола, ...совет старост и совет командиров». «К детям предъявлялись требования, как к взрослым. Точный и строгий распорядок дня, правила и нормы поведения никому не разрешалось нарушать. Нарушение дисциплины рассматривалось сегодня же» (9, лл. 31–33).

А.С. Макаренко признавал правильным положение, когда заведующий считался единоначальником детского учреждения. Антон Семёнович отвечал за всё, руководил всей жизнью колонии. Несмотря на загруженность, находил время и на преподава-

ние, часто заменял больных учителей. Обучал русскому языку, литературе, истории, политграмоте. Бывший колонист Павел Архангельский (его отец погиб в 1915 году на фронте, а мать была воспитательницей колонии) – Задоров в «Педагогической поэме» – писал об А.С. Макаренко в статье «Суровый урок» («Молодая гвардия», кн. 4, 1939 г.) в год смерти педагога следующее: «Там, в колонии, перед нами открылись чудесные черты внутреннего облика Антона Семёновича – нашего педагога и руководителя: его воля, дисциплинированность, моральная чистота и человеческая любовь». И далее: «Справедливая суровость была одной из основных черт Антона Семёновича, но за этой суровостью всегда стояло тёплое человеческое чувство. Антон Семёнович любил детей и верил в людей. Человек исключительной прямоты, честности и правдивости, он был примером для всех своих воспитанников. Бодрый и жизнерадостный, внутренне и внешне всегда подтянутый, полный кипучей энергии... в моей памяти он останется вечно юным, с заразительным молодым смехом и юношеской горячей готовностью помочь каждому, кто приходил к нему за советом».

Таким знали и сохранили в своей памяти А.С. Макаренко его коллеги и воспитанники. Соратник Антона Семёновича В.Н. Терский в своих тезисах «Как применять опыт А.С. Макаренко» (1967 г.) писал: «Макаренко периода его работы в колонии Горького и Макаренко в коммуне имени Дзержинского, через десять лет, – совсем разные педагоги, хотя это один человек. В начале своей работы, молодой Макаренко – это жадно ищущий, но педагогически бессильный ещё человек, как он сам правдиво пишет. Он ещё не знает, как решить вопрос с Задоровым и ...отбросив педагогику, которая тогда ещё не может помочь ему решить вопрос – вопрос, который решить необходимо и решить срочно, – Макаренко применяет меру социальной защиты, против того, что угрожает чести, морали и жизни детского коллектива. Поэтому в «Педагогиче-

ской поэме» Макаренко никому ничего не советует. Даже рассуждений у него совсем мало. Он просто и художественно описывает факты, свои личные чувства и переживания, своё отношение к действительности – отношение человека, который хочет, но не может, не знает ещё – как быть? Светлый разум, непреклонная воля и горячая круглосуточная работа Макаренко с дружной группой людей его духа и вкусов, а главное – искренняя и горячая поддержка со стороны очень влиятельной группы старших ребят помогли ему исключительно быстро и правильно двигаться вперёд, создавая сложную и стройную педагогическую систему работы... Макаренко тридцатых годов – это уже крупнейший учёный, совершенно уверенный в правильности своей системы, утверждённой жизнью. Это совершенно зрелый гениальный педагог, которого не могут столкнуть с верной дороги никакие боги педагогического Олимпа того времени...». Волей-неволей учение Макаренко приходится признать, тем более что борьба против этого учения ведётся далеко не всеми олимпийцами...»¹.

Из сказанного выше следует, что история создания коллектива горьковцев из несовершеннолетних правонарушителей начиналась не только в сложных условиях нищеты, но и при полной педагогической беспомощности педагогов-воспитателей. Между тем перед педагогами стояла государственной важности задача: воспитать из колонистов достойных граждан, способных с наибольшим эффектом участвовать в строительстве нового бесклассового общества, уметь защищать свою родину, обладать определёнными качествами гражданина-труженика и патриота. Всё это нужно воспитать в молодом поколении. А для этого, прежде всего, нужна программа.

Естественно, А.С. Макаренко задумался над развёрнутой программой человеческой личности, которая давала бы определённый стандарт. Но кроме стандарта, пришёл к выводу педагог, необходим и индивидуальный корректив к ней. В общую («стан-

¹ Из архива С.С. Козуба.

дартную») программу личности должны входить такие качества, как смелость, мужество, честность, дисциплинированность, трудолюбие, патриотизм и др. Индивидуальная программа предусматривала развитие таланта, способностей к чему-либо (музыке, живописи, литературе, математике и т. д.).

Касаясь цели воспитательной работы, А.С. Макаренко утверждал, что необходимо воспитать определённый тип гражданина-труженика и патриота. А это значит воспитать боевой, активный, жизненный характер. Практика показала, что данную цель можно достигнуть только тогда, когда приводится в порядок не отдельная личность, а каждый колонист или коммунар. Для самореализации себя как гражданина необходимы методики, которые позволили бы развить гражданскую инициативу самих детей.

Утверждение программы человеческой личности и направленные на её осуществление цели воспитательной работы – первый шаг, который сделал А.С. Макаренко и его педагогический коллектив на пути создания методики воспитания гражданина. Главным критерием для достижения цели воспитания (воспитания нового типа личности) педагог считал «устройство коллектива как определённой организации и педагогическое мастерство» воспитателей [6, т. 4, с. 260]. Коллектив обязательно должен быть организован, должен быть создан его стиль, тон, правила и традиции. Макаренковский коллектив объединял детей и взрослых не только в общей цели и в общем труде, но и в общей организации этого труда, он являлся частью общества, на нём лежала ответственность перед обществом, долг перед страной.

Таким образом, дружный педагогический коллектив, объединённый общей целью, следующий за своим руководителем, способный использовать и развивать возможности и интересы каждого, постепенно становился стимулирующей силой, которая вела к созданию единого воспитательного трудового коллектива детского учреждения. То есть, коллектив детей и взрослых стал единой мощной воспитательной силой.

С людьми случайными, не способными работать слаженно в коллективе, такими как педагоги Головин, Снарский, Никифорова, Антон Семёнович расставался со словами, что в колонии «не только служат, здесь нужно жить так, чтобы Ваша жизнь не делалась анекдотом» [3, с. 478]. Ещё в 1920-е годы он практиковал двухмесячную стажировку при оформлении нового педагога-воспитателя. Так, 19 сентября 1924 г. А.С. Макаренко направляет в Главсоцвос НКП УССР докладную, где отмечает, что «пройдя стажировку, Балинская и Шило будут представлены на утверждение: первая – 6 октября, вторая – 15 ноября».

Когда Антон Семёнович вынужден был покинуть колонию им. М. Горького, с ним в коммуны им. Ф.Э. Дзержинского переходили его коллеги, которых он уважал и ценил и без которых не представлял своей дальнейшей работы. В письме к Н.Ф. Остроменцкой от 18 февраля 1928 г. педагог писал: «Из горьковских воспитателей в коммуне работают Татариновы, Ляля Говоречкая, Рива Коган» [6, т. 8, с. 35].

Интересно, что в документальной летописи коммуны (за пять лет её существования) было записано: «1927 г. ...Октября 20. Назначение первого персонала в коммуны. Этот персонал был невелик: заведующий коммуной А.С. Макаренко, воспитатель Т.Д. Татаринов, завхоз из Ахтырки – Опришко и из Ахтырки же повар» [6, т. 1, с. 157].

Таким образом, Тимофей Денисович Татаринов (1894–1954) был первым, кто последовал за А.С. Макаренко в коммуны. В колонии он работал с 1925 г., имел педагогическое и инженерное образование. В докладе А.С. Макаренко перед учителями Ленинграда и Ленинградской области 16 октября 1938 г. прозвучали тёплые слова о Т.Д. Татаринове:

«У меня был такой помощник – Тимофей Денисович Татаринов. Он со мной долго работал. Это было нежнейшее существо, иначе он ни к кому не обращался, как «хлопятики» (хлопец), «девчатки». Это была полная мне противоположность. Хороший учитель. Я взял его из сельской школы. причём человек замечательной работоспособности,

исключительной ловкости, многое умеющий изготовить, над многим умеющий подумывать. Его многие любили, но в его мягкости видели какое-то противоречие. Потом он постепенно вырос и стал моим заместителем. И вот что удивительно. Я часто уезжал по делам, а он был на моём месте. По нашим законам и традициям – пока я в колонии, я имею все права, а я уезжаю – все права переходят к нему. И вот Тимофей Денисович научился у меня целому ряду приёмов. Я имел, надо сказать, грешные непедagogические приёмы, любил иногда сказать – чёрт бы вас забрал! Так что же вы думаете? И он стал так говорить, но он говорил так: «Чёрт бы вас забрал» (тихим, мягким, добрым тоном). ...И что удивительно – это производило своё действие. В его характере это было негодование, и все понимали, что он «годует». ...Это было мастерство. Я потом его спрашиваю – тут вот говорят, ты кулаком стучал по столу и кричать не кричал, а «чёрные» слова говорил. А он мне отвечает: «Да, я це нарочно робив». То есть человек по своей натуре приспособил к себе внешние формы гнева. (...) И все говорили: «Он сердитый, Тимофей Денисович!» А это значит нехорошо» [6, т. 4, с. 243]. Выступая в Москве в «Доме учителя» 8 февраля 1939 г., А.С. Макаренко повторил эту историю, а в заключение привёл слова колонистов: «А он всё так же, как вы, делает. Вы говорите: «чёрт вас побери». Он тоже говорит «чёрт вас побери», только тихоньким голосом. – Ну, а вы слушались? – А как же, мы же видим, что он сердится» [6, т. 4, с. 294].

Следует сказать, что в «Педагогической поэме» Т.Д. Татаринов изображён в образе Ивана Денисовича Киргизова. В одной из глав читаем:

«Непосвящённому наблюдателю Иван Денисович казался обыкновенным сельским учителем, а на самом деле Иван Денисович есть тот самый положительный герой, которого так тщетно и давно разыскивает русская литература и на котором даже Гоголь испортил бы себе несколько зубов. Ивану Денисовичу тридцать лет, он добр, умён, спокоен и в особенности работоспособен – последним качеством герои

русской литературы, как известно, похвастаться не могут. Иван Денисович всё умел делать и всегда что-нибудь делает, но издали всегда кажется, что ему можно ещё что-нибудь поручить. Вы подходите ближе и начинаете различать, что прибавить ничего нельзя, но ваш язык, уже наладившийся на известный манер, быстро перестроиться не умеет, и вы выговариваете, немного всё же краснея и заикаясь:

– Иван Денисович, надо... там... упаковать физический кабинет...

– Иван Денисович поднимается от какого-нибудь ящика или тетради и улыбается:

– Кабинет? Ага... Добре... Ось возьму хлопцев тай запакуем...

Вы стыдливо отходите прочь и думаете: «М-да... В общем, конечно, это свинство», – а Иван Денисович уже забыл о вашем изумстве и ласково говорит кому-то:

– Пиды, голубе, поклычь там хлопцев!... [5, с. 444].

Надо сказать, что в письмах к харьковским друзьям А.С. Макаренко передаёт привет Татаринову не иначе как со словами: «Кланяйтесь Тимочке...».

Вместе с мужем перешла работать в коммуну Варвара Николаевна Татаринова. Она вспоминала: «Мне выпало большое счастье работать с выдающимся педагогом и замечательным человеком А.С. Макаренко... Редко встретишь, пожалуй, человека с довольно суровой внешностью, с холодными, под стёклами очков, глазами, но с большой и нежной душой. Таким именно и был Антон Семёнович Макаренко. Детей он любил особой любовью. Он обладал чудесной способностью убедительно показать воспитаннику неуместность или неправильность его поступка. Он был всегда справедливым, очень живым, остроумным человеком. Свой природный юмор он часто использовал в педагогических целях. И благодаря хорошо подобранному педагогическому коллективу работать было, в общем, не так уж трудно. Надо было работать так, чтоб ребята полюбили, брали во всем пример и верили нам... Мы, педагоги-воспитатели, жили одной жизнью с коммунарами. Обладал Антон Семёнович редкой разносторонностью своих познаний

и всегда поражал нас этим, заставлял тянуться, всё время учиться» [14, с. 276–277].

А.С. Макаренко писал, что «настоящим учителем-воспитателем можно стать после работы в хорошем педагогическом коллективе через несколько лет» [6, т. 4, с. 294]. Жить одной жизнью с детьми – одно из главных условий создания образцового воспитательного коллектива. В процессе роста и развития коллектива изменяются отношения между взрослыми и детьми. «Откуда может привиться культура детскому обществу, если ей неоткуда взяться, если нет взрослого общества?» – спрашивал А.С. Макаренко. И сам отвечал на этот вопрос: «Воспитание в том и заключается, что наиболее взрослое поколение передаёт свой опыт, свою страсть, свои убеждения младшему поколению. Именно в этом и заключается активная роль педагогов, представителем которых являюсь и я».

До сих пор по достоинству не оценен вклад Галины Стахиевны Макаренко (Салько) в сохранении и научном осмыслении наследия Антона Семёновича. Весьма значительными представляются её высказывания по поводу двух работ А.С. Макаренко: «Методика организации воспитательного процесса» и «Педагоги пожимают плечами». В статье «Педагоги пожимают плечами», написанной в 1932 году к пятилетию коммуны им. Ф.Э. Дзержинского, отмечает Г.С. Макаренко, изложены политические и педагогические (теоретические) положения системы воспитания таким образом, как оно было реализовано Антоном Семёновичем в практике, дано «принципиальное обоснование методики воспитания и системы воспитательных средств, применяемых в коммуне», а значит, «есть основания считать, что статья «Педагоги пожимают плечами» является совершенно естественным и научным введением к «Методике организации воспитательного процесса». Обе эти работы едины: написанные в разное время (промежуток между ними четыре года), они преследовали различные практические задачи, но логически дополняют одна другую в принципиально-теоретической и практической областях» [10, л. 105].

Семнадцать глав «Методики организации воспитательного процесса», по мысли Г.С. Макаренко, «не являются собранием отдельных советов педагогов. Это практическое развитие общих положений единой в своей логике педагогической системы, “доведение системы до станка”, как образно говорил Макаренко, указание приёмов и путей применения её в жизни. В первых шести главах Макаренко излагает методику построения коллектива... Разработанное А.С. Макаренко построение воспитывающего коллектива является одной из основных в его методике, но не единственной формой организации воспитания коллектива и личности. Содержанием этой формы является педагогическое действие, руководящая и воспитывающая деятельность педагогов при соблюдении принципа полного единоначалия главы учреждения. И педагогический процесс – это постоянно поступательное усложнение и совершенствование личности воспитанников» [10, л. 107].

Коллектив воспитанников – это содействующая педагогам сила, работающая по принципу параллельного педагогического действия, суть которого Галина Стахиевна видит в следующем: «У воспитанников своя жизнь. И чем она многообразнее и разнообразнее, тем лучше, сложнее и гармоничнее будет человек. Жизнь воспитанников полна коллективного труда и организационных усилий, а также постоянного воздействия друг на друга. При этом воспитанники должны чувствовать себя организаторами и воспитывающей силой, им передаётся “реальное право ответственности”, хотя в действительности вся их самостоятельность определена целями воспитания, подчинена им, педагогически организована и управляется главой учреждения и педагогическим коллективом. Таким образом, воспитанники всегда находятся в очень чёткой и “сложной сетке” организационных форм, постоянного руководства и подчинения. Это положение не только не связывает, а развивает инициативу воспитанников, направляет её и даёт полезный выход» [10, л. 108].

Итак, для того, чтобы быть единым целым, единый коллектив должен обладать органами управления и координирования, уполномоченными прежде всего представлять интересы коллективов и общества. Обладая такими качествами, коллектив становится великой воспитывающей силой, в нём каждое действие воспитанника, будь то удача или беда, расценивается как удача или беда на фоне общего дела, общая беда или радость. Через такой коллектив каждый колонист входит в общество высоко дисциплинированным человеком, обладающим такими нужными стране качествами, как деловитость, точность, способность ориентировки, умение подчиниться товарищу и умению приказывать товарищу. Не случайно во всех своих лекциях для педагогов и родителей А.С. Макаренко подчёркивал, что «создать характер можно только очень длительным участием человека в жизни правильно организованного, дисциплинированного, гордого коллектива» [6, т. 4, 350].

Г.С. Макаренко отмечала, что для Антона Семёновича «право обязанностей и ответственности не есть право власти. В детском воспитательном учреждении власть не может быть передана воспитанникам: 1) воспитанники не созрели ещё для власти, 2) этого не допускает специфика воспитательного учреждения».

В своей практике педагог решил трудную задачу организации влияния молодёжи, детей и взрослых друг на друга и управления этими влияниями таким образом, чтобы эти влияния «стали активной положительной силой, помогающей педагогам, а не противодействующей им».

В работе педагогического коллектива, по словам Г.С. Макаренко, Антон Семёнович видел два главных направления: 1) «педагогика индивидуального действия» – работа над личностью каждого отдельного воспитанника, и 2) «педагогика коллективного действия» – воспитание целого коллектива и работа с ним».

Педагогика индивидуального действия предполагала работу воспитателя над отдельным воспитанником. «В этой области Макаренко рекомендует широкое приме-

нение принципа параллельного действия» [10, л. 115]. Галина Стахивевна подчёркивала следующее:

«Всё-таки постоянное прямое воздействие на воспитанника должно быть преимущественным, обязательным правом всего коллектива и его уполномоченных. Таким образом, педагог освобождается от надоедливой скучной роли надзирающего и делающего замечания лектора, и совершенно теряет ставшие одиозными черты проповедника со словами укоризны или поучения на устах. В колонии им. М. Горького и коммуне им. Ф.Э. Дзержинского педагог, как опытный и искусный дирижер, в случае надобности приводил в действие целую систему коллективных (уполномоченные коллектива) или политических (комсомол) сил и организовал их помощь в необходимом воздействии. Зорко наблюдая за результатами (дневник воспитателя при этом оказывал громадную помощь), воспитатель при малейшей трудности или оплошности приходил на помощь. Благодаря такой системе работы деятельность педагога становилась гораздо эффективнее, интереснее для него с самого» [10, л. 115].

Педагогика коллективного действия требует иной «инструментовки», «здесь педагог выступает во всей полноте власти, как уполномоченный и ответственное лицо всего коллектива. Он командир, имеющий право безапелляционного приказа всему коллективу или отдельной его части, в зависимости от порученного ему дела и размеров его полномочий в каждом случае» [10, л. 115].

А.С. Макаренко сформулировал основные требования к педагогическому коллективу:

- педагогический коллектив – это такое единство воспитателей, в котором каждый – индивидуальность со своим характером, манерами, темпераментом. Но действовать все должны в одном направлении, руководствуясь едиными целями и задачами. Для этого в коллективе должно быть единоначалие, руководитель должен быть один;

- педагогический совет должен быть тем коллективным «мозговым» центром, в котором вырабатывались наиболее эффективные пути, средства, способы и приёмы обучения и воспитания;
- педагогический коллектив обязательно должен включать в себя учителей старых, опытных, учителей среднего возраста и молодых, умудрённый опытом учитель служит источником педагогических знаний, опыта и мастерства, молодой связывает педагогический коллектив с воспитанниками, служит источником радости и оптимизма, присущего молодым;
- педагог, как бы он ни был опытен, не может работать в одном и том же коллективе вечно, он неизбежно «застаивается». Необходима смена коллектива, его обновление;
- педагог не может работать в коллективе меньше срока пребывания в нём воспитанника. Недопустимо, чтобы у одного и того же воспитанника педагоги менялись часто. Нарушается логика развития и стабильность педагогического процесса;
- «текучесть коллектива, и в особенности его негармонизованный состав, случайности соединения отдельных членов почти не оставляют возможности для соединения цельной системы в каждом учреждении», а «переменные группы педагогов обычно не успевают продумать до конца ясную систему организации». А.С. Макаренко подчёркивал недопустимость делать ставку на воспитателя, даже талантливого, если он работает обособленно, рассчитывая на любовь лично к себе со стороны воспитанника.

Итак, с одной стороны, коллектив педагогов должен быть сплочённым, объединённым решением общих задач воспитания. С другой стороны, он должен состоять, если не из талантливых, то из хороших, воспитанных, работоспособных педагогов-вос-

питателей, владеющих в совершенстве каким-либо делом, людей хороших, честных.

Важна следующая мысль Антона Семёновича: образование педагог получает в педагогическом вузе, воспитание – в трудовом коллективе. А.С. Макаренко считал, что научить педагогов воспитывать нетрудно. Это воспитание заключается в организации характера, в передаче специальных знаний и умений, в формировании правильного поведения педагога, его умения ходить, говорить, шутить, владеть своим лицом, голосом, жестами, быть весёлым, сердитым, в умении организовать других. То есть во всём том, что называется педагогической техникой.

Обучение педагогов технике коллективного воспитания и индивидуального развития – важнейшее положение в педагогической системе А.С. Макаренко. Для этого обучения необходимо было создание определённых условий и требований, формирование ежедневного коллективного опыта.

А.С. Макаренко нередко обвиняют в том, что он отождествляет процесс воспитания с технологическим процессом, механизацией, суть которого состоит якобы в том, что «личность можно штамповать на штампах». Это необоснованное обвинение. В своём выступлении перед читателями «Книги для родителей» 24 октября 1936 г. на заводе «Шарикоподшипник» педагог сделал следующие пояснения по этому поводу:

«Почему невозможен технологический процесс по отношению к человеку? Пока мы не придём к необходимому уважению своей технологической науки – мы не сможем хорошо воспитывать детей. Я в своей книге говорю, что некоторые детали человеческой личности можно штамповать на штампах. На меня педагоги страшно кричат за это место – как можно человека штамповать? Я же не предлагаю взять живого человека и засунуть его в пресс... Возьмём, например, привычку к чистоте, к точности. Это буквально штампуются в коллективе. Не нужно никакого индивидуального подхода к этому вопросу. Вы создаёте общие условия, создаёте ежедневный опыт. Они изо дня в день умываются, чистят зубы, моют

ноги, и когда они выходят из коммуны – они уже не могут не умываться ежедневно.

Какая особая хитрость для этого нужна? Никакой, это пустяковая задача, и это действительно можно сравнивать со штампом. Но как и в штамповальном деле требуется тонкая работа самих штампов, так и здесь. Опять-таки сравнение. Что это значит? Конечно, не то, что нужно тонко сделать штамп и бахать по человеку, а нужно тонко, точно, правильно организовать коллектив и тогда этот штамп будет действовать.

В коммуне Дзержинского нельзя опоздать на обед больше, чем на пять минут, причём никаких талончиков нет. Если он пришёл в шестую минуту – никакой охраны нет, но ему любой товарищ скажет в столовой: пожалуйста, вы опоздали. Иногда, когда начинаются очень большие опоздания, я подхожу к двери столовой и разговариваю с каким-нибудь коммунарком. Пробегают все опоздавшие мимо: «Здравствуйте, Антон Семёнович», – и прямо в цех. Благодаря такому штампу привычки без особых хлопот прививаются человеческой личности.

Что касается других деталей человеческой личности, скажем – отношение к чести, отношение к взрослым, к работе, к своему собственному достоинству, ко всему нашему политическому достоинству, отношение к событиям в Испании – это нельзя штамповать. Здесь требуется специальная работа в каждом отдельном случае. Но именно потому её легко сделать, что другие вещи делаются почти механически. Таким образом, это просто сравнение, а вовсе не механизация» [11, лл. 26–27].

А.С. Макаренко сожалел о том, что педагогическое дело не строится по технологической логике, а только по логике моральной проповеди. Педагог учил своих соратников диалектической логике, системному мышлению, учил организаторскими функциями. Считая педагогику наукой диалектической, не допускающей никакой догмы, основными положениями воспитательной системы Антон Семёнович называл целесообразность и диалектичность воспитательного средства. Он считал, что педагог-воспитатель, как артист, должен

научиться разговаривать с ребёнком, уметь ставить перед ним требования и добиваться их исполнения, уметь правильно оценить поведение ребёнка, уметь владеть своим голосом, интонацией, жестами и т.д. Но эти умения достигаются в зависимости от того, насколько хорошо воспитатель овладевает техникой индивидуального педагогического действия, техникой управления коллективом воспитанников, то есть в зависимости от возникновения и развития его педагогического мастерства.

А.С. Макаренко считал, что любой учитель, если он проработал более или менее долго и не лентяй, может быть мастером, так же как мастером своего дела становится врач или токарь. Он различал педагогическое мастерство индивидуальное и коллективное, между которым существует не только различие, но и определённая взаимосвязь и взаимозависимость. Решающую роль здесь играет организационное руководящее и направляющее начало в лице директора учреждения и систематическое, целенаправленное начало в лице директора учреждения и систематическое, целенаправленное воспитание кадров. Сложившийся, сплочённый коллектив педагогов выступает в качестве воспитателя и организатора коллектива воспитанников, который, в свою очередь, становится воспитателем его отдельных членов. Однако во главе этой системы продолжает оставаться руководитель учреждения.

В 1930 году Макаренко упразднил должность воспитателей в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского, так как «там была школа-десятилетка, было много инженеров, сильная партийная организация на заводе, словом, общество взрослых достаточно сильное, чтобы оказать влияние на ребят» [6, т. 7, 38]. Добавим к этому, что там были педагоги – великие мастера в деле преподавания своего предмета, в деле руководства кружками по интересам ребят. Потому что там была великолепная сила и красота созданного ещё в 20-е годы единого трудового воспитательного коллектива горьковцев, который является лучшим воспитателем личности, который не замыкается

в своём узком кругу, а открыт для всего мира. В этом и состоит великое открытие А.С. Макаренко. История не знает столь мощного примера воспитания личности силами подобного хорошо поставленного коллектива с тонко продуманной и чётко функционирующей демократической системой управления. Впервые в мире была создана управляемая демократия, где не было нужды, угнетения и унижения человеческого достоинства и где личность была защищена.

А.С. Макаренко ещё в 1920-е годы добился права в колонии им. М. Горького (для несовершеннолетних правонарушителей!) иметь комсомол. Это было большим достижением, которым педагог гордился. С 1930 года, отмечал Антон Семёнович, коммуна им. Ф.Э. Дзержинского на глазах возродилась. Она «работает без воспитателей, но там есть 300 комсомольцев, из которых многие оканчивают десятилетку». «Комсомольский коллектив, писал педагог, – это такой воспитатель в трудовых условиях коммуны, что я никакой нужды не испытываю в специалистах-воспитателях. За это меня тоже начали покарывать – как это вы работаете без педагогов, где же руководящая роль педагогов? Хорошо, я понимаю руководящую роль педагогов в школе – там педагог буквально должен быть командиром, но в коллективе, если у вас есть 300 комсомольцев и из них 50 уж, во всяком случае, настоящих, активных – там никакой надобности в воспитателях я не испытывал» [12, лл. 24–25].

Гордился А.С. Макаренко и тем, что его воспитанники получали образование. В архиве хранится машинописный текст статьи Т.Д. Татаринова и Г.С. Макаренко «Школа в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского», в которой содержатся много ценных фактов и о работе педагогов, и о поиске эффективных путей обучения воспитанников. В частности, авторы статьи отметили, что первый педагогический коллектив коммуны состоял из Татаринова Т.Д., Татариновой В.Н., Григорович Е.Ф., Говорецкой Е.П., Терского В.Н., как было сказано выше, перешедших с Антоном Семёновичем из колонии

им. М. Горького. Это были опытные педагоги дореволюционной закалки. «Одновременно с ними пришла в коммуну молодёжь, только что закончившая вузы. Товарищи Яровой, Коган, Дроботова начали свою педагогическую деятельность вместе с жизнью коммуны» [13, л. 48].

На первом педагогическом совете в 1928 году Антон Семёнович ознакомил коллектив педагогов-воспитателей с задачами: «Воспитанникам нужно прежде всего образование, на этой основе легче будет накапливать, развивать и все остальные качества, необходимые советскому человеку. Нужно обеспечить высокое качество преподавания, подготовку к урокам, наглядность обучения, систематическое и прочное усвоение учебного материала». Своё выступление он закончил словами: «В области методики преподавания не мудрите особенно. Урок должен быть интересным, доступным, содержательным. А это достигается хорошим объяснением правил, живым рассказом, увлекательной лекцией-беседой. Используйте многолетний опыт старой школы, но берите только полезное, освобождайтесь от старых и новых предрассудков. У нас ясная цель: дать коммунарам среднее образование такого качества, чтобы они имели возможность поступить в вуз. Для меня сейчас совершенно очевидно, что только полноценное умственное развитие даёт гарантию от возможности неудач и рецидивов. А нашим ребятам приходится только на нас надеяться» [13, лл. 51–52]. С такой установкой коллектив педагогов проработал первую половину 1928 года.

В конце учебного года коллектив подвёл итоги своей работы. Были достижения и были недостатки, которые снижали качество работы, а именно: «школа давала недостаточные знания по русскому и украинскому языкам. Было совершенно очевидно, что основной трудностью работы в школе в то время было «двуязычие» [13, л. 52]. В школах детских домов в те годы было обязательным преподавание предметов на украинском языке. Воспитанники детских домов, пришедшие с Урала, Волги, Запада, из Сибири не знали украинского языка и

часто не понимали учителей, преподававших все предметы на украинском языке.

Авторы цитируемой выше статьи вспоминали: «Настойчивые, требовательные ходатайства Макаренко перед Наркомпросом Украины – разрешить преподавание в коммуне на русском языке с обязательным изучением украинского языка – были безрезультатны. По собственной инициативе мы организовали в своей школе параллельно с преподаванием на русском языке» [13, л. 53].

Но это была полумера. В это время возник вопрос об организации школы, которая обеспечила бы возможность преподавания на русском языке. Учебными заведениями такого типа в то время на Украине были кустарно-промышленная школа и рабфаки.

В 1928 году коллектив педагогов пополнился новыми преподавателями: тт. Юрченко, Крикун, Черняева, Климова. В 1928–1929 годах были организованы методические комиссии. Т.Д. Татаринов и Г.С. Макаренко писали: «Групповоды выделялись в отдельную методическую комиссию, где практически ставились вопросы методики воспитания, организации коллектива, индивидуального и коллективного воздействия на личность, то есть тех тонко разработанных Макаренко областей, которые он называл педагогикой индивидуального и коллективного действия. Впервые поставил тогда перед нами Антон Семёнович новую для нас проблему “воспитания характера” и активной переделки характеров не только воспитанников, но и самих педагогов. Старое представление о характере человека как некоей постоянной величине было сломлено и это принесло нам, педагогам, очень большую пользу, так как позволило подходить к воспитанникам с оптимистической перспективой» [13, лл. 58–59].

Весной 1929 года в коммуне был первый выпуск. С этого года началось систематическое пополнение наглядных пособий и оборудование учебных кабинетов. К началу 1929/30 учебного года школа коммуны была реорганизована на базе четырёхлетки в кустарно-промышленную школу, которая проработала один год. Нужна была школа,

которая давала бы полное среднее образование здесь же, в учебно-воспитательной системе коммуны, в её стенах. С осени 1930 года в коммуне был утверждён рабфак (при машиностроительном институте) в составе 5 подготовительных групп и 5 курсов, то есть десятилетнего срока обучения. В 1930–1931 годах вновь были открыты три курса рабфака (1, 2 и 3-й), а в 1931–1932 годах – четвёртый курс рабфака.

Весной 1933 г. выпускные свидетельства получил первый выпуск рабфака коммуны. «Надо сказать, – подчёркивали Т.Д. Татаринов и Г.С. Макаренко, – что педагогический коллектив с большим волнением ожидал этого серьёзного и беспристрастного арбитража и деятельно помогал всё лето выпускникам достойно к нему подготовиться. Но обнаружились и новые затруднения: наши выпускники совсем не имели намерения в полном составе перейти в машиностроительный институт. У них были уже вполне сложившиеся вкусы и наклонности. Никто не счёл себя в праве оказать на них давление... и наши питомцы группами «разлетелись» по различным городам. Подводя итоги учебного года, педагоги единодушно пришли к выводу: коммуне необходимо учебное учреждение, которое давало бы полное среднее образование, но не связывало коммунаров узкой специализацией. Было принято решение до минимума свести специальные предметы и всё внимание обратить на приобретение систематических знаний в объёме полной средней школы» [13, лл. 73–75].

Г.С. Макаренко также высказала мнение коллег (и своё личное) об Антоне Семёновиче: «Мы видели в нём образец дисциплины, точности, аккуратности, высокой организованности. Мы восхищались его справедливостью, выдержкой, придирчивой требовательностью. Нам хотелось быть такими. Антон Семёнович любил, когда педагоги работали над собой, он шёл навстречу их желаниям продолжать образование и всегда создавал условия, которые позволяли его педагогам и работать и учиться. Мартыненко, Шварц, Белоус, Омельченко, Рубан без отрыва от преподавания закончили Харьковский университет.

Школа при коммуне Дзержинского не имела текучести в педагогическом составе, в комму-ну преподаватели приходили, но не уходили» [13, л. 49].

Перед педагогическим коллективом, свидетельствовала Г.С. Макаренко, всегда стояли две задачи: как, проводя не более пяти уроков в день, выполнить программу, не сокращая её, и как закрепить и расширить полученные воспитанниками знания. Педагогический совет при непосредственном участии А.С. Макаренко сумел найти ответы на эти вопросы.

Коллектив коммунаров вместе с Советом командиров снял с плеч преподавателя тяжёлое бремя – заботу о дисциплине. Преподаватель знал, что на уроке зря не пропадёт ни одна минута. Он входил в класс, как мастер подходит к включённому станку. Ему оставалось содержательно и интересно провести урок. Не сразу была создана такая благоприятная обстановка для педагога. Ей предшествовала большая разъяснительная работа среди воспитанников. Во главе каждого класса стоял командир (староста), который был первым помощником классного руководителя и педагога. Он отвечал за дисциплину как во время урока, так и на перемене. На нём лежала обязанность следить за общим порядком и чистотой помещения.

Вместе с классным руководителем командир занимался успеваемостью воспитанников. Он знал, кто из коммунаров отстаёт в учении, следил за их явкой на дополнительные занятия, создавал им условия для подготовки уроков. Командир отвечал и за сохранность имущества, учебных пособий в классе.

Кроме Совета командиров крепкие связи с педагогическим советом имели секретарь Совета командиров и секретарь комсомольской организации. Они были в курсе всех событий школьной жизни и своевременно влияли на нарушителей дисциплины и порядка.

Неотъемлемой частью учебно-воспитательного процесса была внешкольная работа. Разбуженный интерес к образованию вызвал у коммунаров, особенно старших классов, жажду знаний. Поэтому помимо круж-

ков (изобразительного, технического творчества, художественной самодеятельности) создавались так называемые академические кружки по предметам. В них можно было углублённо заниматься, расширять свой кругозор, развивать вкус. Работа в кружках позволяла преподавателям выявить склонности и способности коммунаров. Многие нашли в этих кружках своё призвание, которому остались верны и в дальнейшей жизни. Члены литературного кружка, например, выпускали стенные литературные газеты, проводили конференции, громкие читки художественных произведений. Актив этого кружка вместе со школьной библиотекой и кружками художественной самодеятельности, которые возглавлял В.Н. Терский, организовывал литературные вечера, посвящённые А.С. Пушкину, М.Ю. Лермонтову, современным писателям.

Молодым, начинающим учителям А.С. Макаренко уделял особое внимание, помогал им, давая методические советы. Он был убеждён, что каждый учитель обязательно должен быть хорошим воспитателем. Цельность, чистоту складывающегося коллектива единомышленников А.С. Макаренко не только ценил, но и создавал и поддерживал. Важное значение имели его собственный пример, его последовательность и принципиальность. Коллектив рождался как результат целенаправленной работы, в процессе которой педагоги овладевали единой методикой. Между ними установились отношения ответственной зависимости и взаимного контроля. В итоге обеспечивалось единство педагогических воздействий на детей. Педагог считал, что только «коллектив воспитателей, объединённых общим мнением, убеждением, помощью друг друга, свободный от зависимости друг другу, свободны от индивидуальной и личной погони за любовью воспитанников только такой коллектив и может воспитывать детей».

Создание творчески работающего, высокоорганизованного и вдохновенного коллектива единомышленников-воспитателей – важнейшее достижение А.С. Макаренко в методике организации воспитательного процесса.

